

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ.

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

Ярким и исключительно глубоким выражителем идеальных исканий России 30—40 гг. является гениальный русский критик, великий русский просветитель, революционный демократ и социалист Виссарион Григорьевич Белинский. Разночинец по происхождению, он был, по выражению Ленина, одним из тех людей, чья мысль «в течение около полувека... под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяkim и каждым «последним словом Европы и Америки в этой области». В своем философском развитии Белинский прошел сложный путь от идеализма Шеллинга и Фихте к идеализму Гегеля и дальше к материализму Фейербаха. Первая знаменитая критическая статья Белинского «Литературные мечтания» (1834 г.), в которой Белинский дает гениальный обзор русской литературы данной эпохи, обнаруживает сильное влияние классического немецкого идеализма в лице Шеллинга. «Весь беспредельный, прекрасный божий мир», — пишет Белинский в «Литературных мечтаниях», — есть не что иное, как дыхание вечной идеи, проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии». Для этой идеи нет покоя: она живет беспрестанно, т.е. беспрестанно творит, чтобы разрушать, и разрушает, чтобы творить. Эта действенность философии Шеллинга (правда, действенность абстрактная, на какую только способен идеализм) больше всего привлекает Белинского. Принятие этой философии означало в этот период для Белинского не борьбу, а отвержение от «гнусной расейской действительности» эпохи Николая I путем ухода от нее в мир идеала. Действенный характер философии субъективного идеалиста Фихте позднее на недолгое время подкупил Белинского. В листьме к Бакунину Белинский призывался, что он «Фихтеизмом понял как робеспьеризм и в новой теории чуял запах крови».

«Действовать, действовать, вот для чего мы здесь», — писал он в это время.

Но скоро от субъективного идеализма Белинский перешел к объективному идеализму Гегеля и на первых порах принял даже консервативную сторону гегелевской философии, в частности учение Гегеля о государстве. Из положения Гегеля «все действительное — разумно» Белинский сделал даже вывод, что и крепостническая монархия «разумна», поскольку она существует в действительности.

Это на время привело Белинского к примирению «с разумной действительностью», т.е. с николаевским реакционным режимом, что нашло отражение в статьях «Бородинская годовщина» (1839 г.) и «Менцель-критик Гете» (1840 г.).

Однако, очень скоро Белинский освободился от своих заблуждений и, перейдя на лево-

гегельянские позиции в философии, в области политики перешел к революционному демократизму. Он понял теперь, что действительным может быть только разумное. Николаевская монархия противоречит разуму и поэтому не имеет права на существование. Со свойственной ему прямотой и страстью Белинский обрушивается «в течение около полувека... под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяkim и каждым «последним словом Европы и Америки в этой области». В своем философском развитии Белинский был переход к материализму Фейербаха и связанному с ним гуманизму. Белинский, смело встал на защиту прав и достоинства человеческой личности; счастье человека стало центром учения Белинского, а это привело его к идеям утопического социализма, тесно связанным с его революционно-демократическими установками.

Став материалистом Фейербахианцем, Белинский в своих статьях о литературе, печатавшихся вначале в журнале «Отечественные записки», затем с 1846 года в «Современнике», развивал основные принципы материалистического и революционного мировоззрения разночинцев, выступивших на борьбу против самодержавия и крепостного права. Он исходит из материалистического положения о том, что действительность предшествует сознанию, высмеивает «спиритуалистов» (идеалистов), сочиняющих несуществующие в природе причины. По его мнению, правильная философская теория необходима для того, чтобы проницательно и верно смотреть на явления действительности.

Исходя из своих философских установок, Белинский дает материалистическое определение искусства: «Искусство есть воспроизведение действительности,

попкоренный, как бы вновь созданый мир». Но искусство, по мнению Белинского, не должно, не может отражать все частные, случайные моменты действительности. «Поэт должен выражать не частное, не случайное, но общее и необходимое, которое дает колорит и смысл всей его эпохи».

Величайшее значение литературы он видит в том, что она помогает народу осуществить «благородное и законное стремление сознать себя, сознать свое положение, свои цели».

Белинский выступил как социалист-утопист, непримиримый враг всякого иракобесия, царизма, крепостничества и церкви.

Высшего революционного па-

фоса он достигает в своем знаменитом «Письме к Гоголю». Ознакомившись с реакционной книгой великого писателя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой заблуждающийся Гоголь открыто защищал самодержавие, крепостничество и церковь, Белинский написал свое замеч-

П. БУТОРИН,
преподаватель
литературы средней
школы № 14

тельное «Письмо», полное революционной страсти и ненависти к самодержавно-крепостническому строю, к православной церкви. С исключительной смелостью Белинский характеризует николаевскую Россию как страну, в которой нет даже полицейского порядка, не соблюдаются даже существующие законы, где есть лишь «огромная корпорация разного рода служебных воров и грабителей», тысячами ртов сосущих пот и кровь народа, где люди торгуяют людьми, где личность человека унижена и растоптана и люди сами называют себя не именами, а кличками — Ваньками, Васьками, Стешками, Пашками.

С гениальной прозорливостью Белинский понял, что русский народ «по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности», что «русский человек признает имя божье, почесывает себе...», а «об образе говорит:годится — молиться, а не годится — горшки покрывать».

Белинский был великим патриотом России. Страстно любя свою родину, он непримиримо боролся с самодержавным строем, сковывавшим развитие страны, и предрекал освобожденной России великую будущность. Ленин называл Белинского великим предшественником русской социал-демократии.

Как гениальное пророчество, звучат слова, написанные Белинским сто лет назад: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым судено видеть Россию в 1940 году, стоящую в главе образованного мира, дающую законы и науку и искусству, принимающую благовеяную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Современником и другом Белинского был А. И. Герцен, которого Ленин считал самым выдающимся деятелем и завершителем дворянского периода освободительного движения в России. «Как декабристы разбудили Герцена, — писал Ленин, — так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев».

Герцен был великий русский революционер и демократ, ушедший значительно дальше декабристов и других дворянских революционеров. По своим философским взглядам Герцен был материалистом, сторонником диалектики Гегеля, сумевшим, по выражению Ленина, «в крепостной России подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени».

Основные философские произведения Герцена — «Дилетантизм в науке» (1843 г.) и «Письма об изучении природы» (1845 г.), Герцен не удовлетворял ни старый метафизический материализм, ни идеализм. В своем основном философском труде — «Письмах об

изучении природы» Герцен даёт глубокую критику идеализма и выступает в то же время против вульгарного материализма, который «со стороны сознания, методы стоит «несправедливо ниже идеализма». «С одной стороны, — писал он, — тяжелый камень, с другой — ужасная пустота, населенная призраками». Герцен поддается до исторического взгляда на природу. «Природу остановить нельзя — она процесс, течение, перелив, движение. Если вы на одно мгновение остановите природу, как нечто мертвое, вы не только не дойдете до возможности мышления, но не дойдете до животных, мхов и лишайев».

Мышление, сознание, жизнь вообще это продукт развития материи. «Сознание вовсе не постороннее природе явление, — говорит он, — а высшая ступень ее развития».

Герцен, возглавлявший до эмиграции левое крыло передовой русской интеллигенции, до известной степени идеалистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности», что «русский человек признает имя божье, почесывает себе...», а «об образе говорит:годится — молиться, а не годится — горшки покрывать».

Духовный врач Герцена был вызван тем, что он не сумел подняться до понимания законов развития общества, что он, вплотную подойдя, как писал Левин, к диалектическому материализму, «остановился перед историческим материализмом». Герцен был социалистом, но социалистом утопическим: его «социализм» не имел научной основы.

В 60-х годах развертывается литературная и революционная деятельность Н. Г. Чернышевского. Чернышевский является замечательным деятелем своей эпохи, поражающим разнообразием своих дарований.

Чернышевский был последовательным демократом, он стоял за действительное и немедленное освобождение крестьян от крепостной зависимости и угнетения путем крестьянской революции против самодержавия. Он беспощадно критиковал проводимую царизмом реформу 1861 года, разоблачая ее антинародную сущность. Чернышевский написал специальное обращение к крестьянам («Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»), в котором разоблачал правительственный обман и призывал их к социальному революции.

«Письма об изучении природы» (1845 г.), Герцен не удовлетворял ни старый метафизический материализм, ни идеализм. В своем основном философском труде — «Письмах об

изучении природы» Герцен даёт глубокую критику идеализма и выступает в то же время против вульгарного материализма, который «со стороны сознания, методы стоит «несправедливо ниже идеализма». «С одной стороны, — писал он, — тяжелый камень, с другой — ужасная пустота, населенная призраками». Герцен поддается до исторического взгляда на природу. «Природу остановить нельзя — она процесс, течение, перелив, движение. Если вы на одно мгновение остановите природу, как нечто мертвое, вы не только не дойдете до возможности мышления, но не дойдете до животных, мхов и лишайев».

Философская работа Чернышевского «Антropологический принцип в философии» (1860 г.) стала боевым философским манифестом русской революционной демократии. Чернышевский был материалистом, последователем Фейербаха и развивал так называемый антропологический принцип в философии.

Иdea в след за Фейербахом, Чернышевский в этом философском труде формулирует основные принципы своего мировоззрения и выступает в защиту материализма, атеизма и социализма. Он развертывает в своей статье глубокую критику идеализма. Идеализм рассматривается здесь как «миропознание фантастическое», опровергаемое всем ходом естественно-научных знаний. Единственное «научное направление в философии» — материализм. Приципом его является «выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма», отвергающая дуализм, т.е. мысль о двух противоположных самостоятельных началах — духе и теле. Каждая сторона человеческого жизненного процесса является деятельностью или человеческого организма в целом или одного из его органов. Мышление есть особого рода деятельность мозга. Основным недостатком у Чернышевского, как и у Фейербаха и других антропологистов, было метафизическое понимание человека, как биологического или физиологического существа.

Основоположник антропологической философии Фейербах и все его последователи, в том числе и Чернышевский, не поняли того, что человек есть существо общественное, действующее в исторически определенной системе общественных отношений.

Чернышевский пытается в своей работе обосновать необходимость социализма. Но, как все социалисты-утописты, он исходит из потребностей абстрактного «человека вообще» и, не умея распространить материализм на явления общественной жизни, не дает научного ответа на вопрос о переходе к социализму. Этот вопрос разрешил только диалектический материализм, до которого Чернышевский «не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться» (Ленин).

Но Чернышевский ушел гораздо дальше Фейербаха. Он понимал значение гегелевской диалектики, был, по выражению Ленина, «великим русским гегельянцем». Испугавшись растущего влияния Чернышевского, как революционного публициста, царизм жестоко расправился с этим замечательным борцом, непреклонным революционером-демократом, заточив его на цепях два десятилетия в Восточной Сибири.

(Продолжение следует).